

Рыбалкин С.В.
**Художественная специфика
свободного стиха
в Алжире XX в.**

Статья посвящена свободному стиху в Алжире – литературному явлению, которое получило распространение во второй половине XX в. Новая поэтическая форма стала очередным этапом на пути эволюции арабоязычной поэзии Алжира, дав возможность авторам освободиться от канонов традиционной касыды. Художественная специфика и особенности поэтики алжирского свободного стиха являются предметом данного исследования. На основе литературного анализа аутентичных текстов в авторском переводе рассматривается метафорика, система образов и частотная лексика в творчестве алжирских поэтов. Также в статье исследуется эволюция свободного стиха в динамике – от момента его зарождения до начала XXI в.

Ключевые слова: арабоязычная поэзия Алжира, касыда, лирический герой, литература Магриба, свободный стих.

Rybalkin S.V.
**Specific features of the free verse
in Algeria in the 20th century**

The study is devoted to the Algerian free verse – a literary phenomenon, which became widespread in the second half of the 20th century. The new poetical form is another stage on the way of evolution of the Arabic-language Algerian poetry, which enables the authors to free from the canons of the traditional qasida. Artistic and poetical specifics of the Algerian free verse are the issue of this research. On the basis of literary analysis of the authentic texts in author's translation the metaphors, imagery system and common lexis reviewed. Finally, the article studies the evolution of free verse in its dynamics – from the moment of its appearance till the beginning of the 21st century.

Key words: Arabic-language poetry of Algeria, free verse, literature of Maghreb, lyrical hero, qasida.

Рыбалкин С.В.
**XX ғ. Алжирдегі еркін өлеңнің
көркемдік ерекшеліктері**

Мақала Алжирде XX ғ. екінші жартысында пайда болып тарай бастаған әдеби құбылыс – еркін өлеңге арналған. Жаңа әдеби форма авторлардың дәстүрлі қасыдаға тән қатаң талаптардан еркіндік алуына мүмкіндік бере отырып Алжирдегі арабтілді поэзия жанырының эволюциясы жолында тың кезең болып қалыптасты. Алжир еркін өлеңі поэтикасының көркемдік ерекшеліктері осы зерттеудің пәні болып табылады. Автордың аудармасындағы мәтіндерге жасалған әдеби талдаулар негізінде Алжир ақындарының шығармасындағы метафора, образдар жүйесі және лексика қолданысының жиілігі қарастырылады. Сондай-ақ мақалада еркін өлеңнің эволюциясының даму кезеңдері – пайда болуынан бастап XXI ғ. басына дейін қарастырылады.

Түйін сөздер: Алжирдегі араб тілді поэзия, қасыда, лирикалық кейіпкер, Магриб әдебиеті, еркін өлең.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА СВОБОДНОГО СТИХА В АЛЖИРЕ XX В.

В середине 50-х годов XX в. в алжирской литературе происходит пересмотр традиционных подходов к искусству стихосложения – каноничная касыда уступает позиции свободному стиху¹. Этому способствовало несколько факторов: во-первых, углубление контактов между местными писателями и их коллегами из Машрика, которые находились под значительным влиянием европейских и американских поэтов. Во-вторых, увеличение доступности литературоведческих изданий. Наиболее известное – ливанский журнал «Аль-Адаб», где публиковались в том числе и магрибские авторы свободного стиха. И, наконец, активизация художественных поисков в области обновления поэтических форм. Согласно алжирским исследователям Мухаммаду Насеру и Абдалле ар-Ракиби, первые свободные стихи на арабском языке в их стране начали появляться именно на страницах литературной периодики. Пионером считается Абу аль-Касем Са'адалла (1927–2013) с его стихотворением «Мой путь», опубликованным в журнале «Аль-Басаир» 23 марта 1955 г. [3, с. 68; 12].

Разумеется, процесс перехода от традиционной поэтической формы к новым не был мгновенным, ему предшествовал длительный период, когда свободный стих существовал, но еще не был достаточно распространенным и известным читательской аудитории, а также не приветствовался литературной критикой. Как отмечает украинский исследователь Ю.Н. Кочубей, даже среди литературоведов стран Машрика, откуда свободный стих попал в Магриб, до сих пор продолжается полемика касательно первоисточников. Так, сирийский профессор А. Аль-Мулхулы отрицает первенство иракских и египетских авторов 40-х гг. XX в. в создании свободного стиха, подчеркивая, что они являются лишь звеньями длинной цепи новаторов в области метрики арабской поэзии, начало которой можно проследить еще в литературе Аббасидов и в лирике Андалусии [1, с. 26–27].

¹ Под свободным стихом (شعر حر) в данной статье подразумеваются стихотворения, написанные путем повторения одной и той же تقطة – аналога европейской стопы. Благодаря чередованию долгих и коротких гласных, из которых состоит «стопа», свободный стих приобретает свой ритм. Рифма при этом может как сохраняться, так и отсутствовать.

Корни поэтического обновительства действительно уходят вглубь истории, ведь во все времена предпринимались попытки экспериментов с формой и смыслами поэзии. Вместе с тем, подчеркивает Кочубей, большинство этих попыток не могут считаться значимыми тенденциями в литературе, пока не сформируются конкретные эстетические принципы группы экспериментаторов и не появятся резонансные произведения, открывающие новые пути развития искусства и литературы [1, с. 24–25]. Таким образом, вслед за украинским исследователем и алжирской критикой, в нашей статье мы будем отталкиваться от того, что свободный стих как полноценное литературное явление сформировался в поэзии Алжира именно в середине 50-х годов XX в.

Алжирский критик Хорфи ас-Салех пишет: «Абу аль-Касем Са'адалла был первым среди тех, кто смог в своем творчестве воплотить опыт свободного стиха и сделать это так, чтобы отразить в тексте дух времени как по форме, так и сюжетно» [10, с. 354–355]. Этот эксперимент вдохновил молодое поколение поэтов и вскоре свободный стих пришел на смену традиционной касыде в литературе Алжира. Новая поэтическая форма лучше соответствовала настроениям общества и могла полнее отобразить в текстах поэзии стремительную поступь культурных и социально-политических преобразований, с которыми столкнулся Алжир в середине XX в. – прежде всего, с обострением национально-освободительной борьбы, которая способствовала провозглашению независимости от Франции в 1962 г.

Поэзия поколения 50-х–60-х гг. XX в. в Алжире продолжает традиции, заложенные предшественниками – известными поэтами Мухаммадом аль-Идом Аль Халифой (1904–1979) и Муфди Закарией (1908–1977). В основном стихи посвящены влиянию революционных событий на умы и судьбы людей, что нашло отражение в подборе лексики и общем духе произведений. Критик А. Ар-Ракиби так характеризует поэзию Мухаммада Хаммара (род. 1931), современника Абу аль-Касема Са'адаллы: «Весь стих – это словно пресс из острых и жестких слов; поэт не озабочен эстетической стороной произведения, ему важнее высказать то, что на душе. М. Хаммар, как и поколение его предшественников, рассказывает о важности вооруженной борьбы и называет ее единственным

правильным путем к освобождению из-под ига оккупации» [3, с. 76–77].

На фоне противостояния политике ассимиляции звучит проблема определения национальной идентичности алжирцев – будь-то представителями арабской нации, или частью Западного мира. Описывая в своих стихах борьбу с колониализмом, алжирские поэты ассоциировали себя прежде всего с народами Ближнего Востока. «Мотивы поэзии конца 50-х годов XX в. вращались вокруг чувств ностальгии и грусти от разлуки с утраченной Родиной. Стихи прославляли павших героев, изображали страдания и казнь пленников, а также их месть оккупантам», – пишет алжирский литературовед Омар Бугрура [5, с. 223]. Исследователь выделил наиболее употребляемые лексемы в поэтических произведениях этого периода: «чужбина» (غربة), «ностальгия» (حنين), «революция» (ثورة), «мятежники» (ثوار), «свинец» (رصاصة), «кровь» (دم), «смерть» (موت), «село» (قرية), «пальма» (نخلة), «воспоминание» (تذكرى), «мать» (أم), «сестра» (أخت), «отец» (أب), «возлюбленная» (حبيبة), «земля» (أرض) [там же].

Новая поэзия исполнена духа сопротивления, несмотря на пессимизм, в ней ощущается негибкость лирического героя:

Друг мой,
Не закрывай от меня света,
Я выбрал свой путь – это путь жизни,
Он тернистый, но он особенный,
Как буйный ветер, как яростная борьба,
Как норовистый конь, что ревет от ранений.
Мрак, жалобы и грязь – все это мы уже видели,
И смерть на пути,
Мой друг...² [14, с. 141]

В цитируемом стихе Са'адаллы встречаются образы, свойственные традиционной арабской поэзии: «путь», «ветер», «норовистый конь». Рядом – лексика национально-освободительной борьбы: «ранения», «грязь», антонимические пары «жизнь» – «смерть», «свет» – «мрак» и т.д.

Часто строки состоят всего из нескольких или даже одного слова, создавая динамичный ритм, поэтому не удивительно, что много свободных стихов того времени были положены на музыку и исполнялись в качестве песен:

² Здесь и далее перевод поэзии с арабского С. Рыбалкина.

Алжир... Алжир...
 Огонь чувств
 Пожар...
 Конфликты... Жертвы... Дорога...
 Выкрики одобрения из глоток
 Стихи... [3, 86]

Краткость строки, по мнению исследователей, должна сильнее держать внимание слушателя, быть похожей на отголосок боя. Это придает поэзии особой, «революционной музыкальности» [4, с. 20]. Метафора «огонь чувств» в следующей строке сменяется по принципу градации обобщенным образом – символом пожара. Условный образный ряд следующих строк «конфликты, жертвы, дорога» созвучен семантике пути страны.

Если в течение 50-х гг. XX в. свободный стих зиждется в основном на мотиве борьбы, то с начала 60-х годов поэзия идет путем усложнения образности. К тематике сопротивления добавляется философская и религиозная проблематика, обращение к мифологической символике и элементам фольклора. Господствующее настроение остается минорным: лирический герой, как правило, тоскует о потерянной Родине, погибших друзьях, семье и любимой, которую он оставил перед тем, как отправиться на войну. Стихи исполнены чувств, отражающих напряженную атмосферу в Алжире накануне получения независимости. В поэзии Мухаммада Абу аль-Касема Хаммара возникает метафорический образ оккупированного Алжира – темная комната:

Народ исчезает в панике,
 Солнце отвечает вибрацией,
 Не оставляйте меня наедине с вами!
 Сердца во тьме... Не вижу,
 Меня пережёвывает усталость,
 Не оставляйте меня с вами,
 Я боюсь своей комнаты,
 Я её ненавижу! [9, с. 262]

Настроение отчаянья, задаваемое первой строкой, сменяется чувством одиночества (третья строка), усталости (пятая), даже страха (седьмая) и ненависти (восьмая строка). Замкнутое пространство (комната) связано с условным образом мрака – ситуацией в Алжире во времена французского господства. Но лирический герой лелеет надежду, отраженную в обра-

зе Солнца – возможного источника света, способного противостоять тьме.

В стихе Абу аль-Касема Са'адаллы «Деревня, которая была сожжена» возникает образ врага, прослеживается пафос отрицания:

Вот так они побеждают,
 Возвращают мягкость,
 Срывают медали и называют себя героями.
 Так они побеждают несчастных,
 Производят опустошения,
 Как саранча,
 И возвращаются пьяными,
 Гимны победителей напевая.
 Трусы! Чтоб их! [9, с. 220]

Опьяневшие победители отождествляются с саранчей, результат их деятельности – лишь опустошения и несчастья. Лирический герой называет их трусами и насыпает на этих «героев» проклятья.

В целом, сравнительно с периодом, предшествующим получению независимости, количество произведений после 1962 г. уменьшается. По мнению М. Насера, причиной стало то, что большинство популярных авторов, которые до этого принимали участие в вооруженной борьбе, вернулись к мирной жизни. Ведущий мотив их творчества – война с оккупантом – потерял свою остроту, соответственно, круг тем существенно сузился [12, с. 161]. Мухаммад Хаммар стал врачом, Абу аль-Касем Са'адалла ступил на путь преподавательской деятельности, многие поэты-революционеры заняли административные должности.

В середине 60-х гг. XX в. на первый план постепенно выходят молодые писатели. Их голос, однако, было тяжело услышать из-за отсутствия в тот период профессиональной литературной критики в Алжире; еще не существовал Союз писателей, культурные клубы находились в упадке. Те, кто хотел писать по-арабски, были вынуждены собираться в формате небольших литературных кружков и искать возможностей публикации за границей, поскольку издательская отрасль также была в упадке. Кроме того, после долгих лет французской оккупации и жесткой языковой политики, значительная часть населения плохо владела арабским языком на уровне, достаточном для создания шедевров литературы.

Ситуация изменилась в конце 60-х гг. XX в. благодаря образовательной политике

правительства и активному проведению кампании арабизации. В независимом Алжире развиваются периодические издания на арабском языке – газета «Республика», издаваемая в г. Оран, а также еженедельник «Аль-Муджагид», где публикуются как писатели старшего поколения, так и молодые авторы. Усиливается роль литературной критики.

В это время в писательской среде Алжира происходит разделение на сторонников свободного стиха, которые окончательно приняли эту литературную форму, и на приверженцев традиционной касыды. К первым принадлежат такие поэты, как Ахмад Хамди, Абдель Али Раззаки, Хамри Бахри, Ахлям Мустаганеми, Омар Азрадж, Мухаммад Затили. Среди тех, кто отстаивал возвращение к канонам арабского стихосложения – Мустафа аль-Гаммари, Мухаммад ибн Рактан, Джамаль ат-Тахири, Омар Бульдуган, Абдалла Хамади, Рашид Авзан, Мухаммад Насер [12, с. 167]. Представители лагеря «классиков» нередко обвиняли адептов свободного стиха в том, что они занимаются бессмысленным экспериментаторством; обновление, которое те привносят в поэзию, не нужно «настоящей» арабской литературе. Вот как об этом пишет критик и поэт М. Насер: «В культурном и поэтическом плане большинство реформаторов не предложили никаких хороших примеров творчества; часть авторов настолько ленивы и гордовиты, что удовлетворяются поверхностной поэтичностью, которая не соответствует корням древней арабской поэзии. Даже те, кто знает арабский язык – не имеют вкуса, их “новая поэзия” остается слабой» [12, с. 168].

«Реформаторы», то есть сторонники свободного стиха, в свою очередь, упрекали приверженцев классики в том, что их творчество сковано рамками традиций, которые не позволяют отображать современные реалии. Слепое следование канонам предшественников никак не делает поэзию актуальной, реформы в обществе должны находить отображение также в обновлении законов поэтики.

Полемика утасла в начале 70-х годов XX в. после изменений в проблематике и эстетической ориентации поэзии. Если раньше ведущими темами была критика французской колониальной политики, а также призыв к просветительству и консолидации с уммой, то авторы семидесятых годов сосредотачиваются на духовном мире человека, его эмоциональных

переживаниях и существованию в новых реалиях. Не все писатели едины в одобрении изменений: наряду с эйфорическими настроениями обостряется критика общественной действительности: проблем бедности, проституции, упадка деревни, социальной несправедливости и т.д.

Значительное влияние на поэзию алжирских авторов 70-х годов XX в. имели их коллеги из Машрика – поэты, которые считаются корифеями в арабском мире: низар Каббани (1923–1998, Сирия), Бадр Шакир ас-Сайяб (1926–1964, Ирак), Абдельвахаб аль-Байати (1926–1999, Ирак), Салах Абд ас-Сабур (1931–1981, Египет), Махмуд Дервиш (1941–2008, Палестина). Писатели Алжира активно осваивают и переводят зарубежных классиков. Среди наиболее популярных авторов – Назым Хикмет (1901–1963), Гарсия Лорка (1898–1936), Пабло Неруда (1904–1973), Шарль Бодлер (1821–1867), Артур Рембо (1854–1891) [13, 121].

Несмотря на достижения писателей 60-х–70-х гг. XX в., современная алжирская критика отмечает в поэзии того периода некоторую небрежность языка: встречаются грамматические, стилистические и лексические ошибки. Также исследователи сетуют на недостаточное знакомство авторов с арабо-мусульманским культурным наследием. По мнению критиков, это связано в первую очередь с тем, что многие писатели не успели получить достойное академическое образование из-за участия в национально-освободительной борьбе и вследствие оккупационной политики Франции, когда арабский язык и культура подвергались значительным притеснениям [3; 12].

Кроме того, как отмечает Абдалла ар-Ракиби, недостатком поэзии была общая бедность лексики и метафорики. Выражения, которые встречаются у поэтов – слишком избитые, распространены диалектные слова и просторечья [3, с. 126–127]. Разумеется, по мнению арабского филолога, это – отход от нормы, что есть плохо; но следует иметь в виду: такая скупость языка способствовала лучшему пониманию поэзии необразованными слоями алжирского общества, которые в повседневном общении использовали исключительно местные диалекты. В свободном стихе Алжира встречается значительное количество заимствований из французского языка, особенно из общественно-политической сферы: «чек» (الشيك от le chèque),

«банк» (البنك от la banque) «диалектика» (ديالكتيك from la dialectique), «технология» (تكنولوجيا from le technologie), «счета» (الفواتير from les factures), «мода» (الموضة from la mode) и др., которые глубоко проникли в повседневную речь алжирцев [12, с. 372–373]. Вот, например, отрывок из стиха Ахмада Хамди (род. 1948)³:

И планы горя, и счета храбрых шагов,
Я не знаю тайны смерти за бесплатно.
И не эта диалектика...
Со мною спорят мертвые
О законности Системы
В идеологиях ее противников... [6, с. 374]

Анализируя поэзию 1970-х годов, Мухаммад Насер также сетует на низкий стиль некоторых авторов: «Исследователь диванов поэзии этого периода заметит, что они наполнены “грязными” словами и выражениями, среди которых, например: “спаривание”, “изнасилование”, “моча”, “фекалии”; а также образами, не свойственными эталону арабской поэзии, как-то: собаки, крысы, мухи, черепахи, путаны, гомосексуалисты, подкидыши, свиньи, летающие мыши, тараканы и т.д.» [12, с. 387–388]. М. Насер отмечает, что такое невозможно встретить в поэзии классиков Машрика, например, в стихах низара Каббани, Халиля Хави или Абдельвахаба аль-Байати [12, с. 393]. Автор данной статьи, напротив, считает, что это не обязательно должно трактоваться как однозначный недостаток, а скорее подчеркивает хорошее знание алжирскими писателями творчества Бодлера и его сборника «Цветы зла» (1857).

Другая характерная черта алжирской поэзии 1970-х годов – распространенность лексикой христианской тематики: «крест», «покаяние», «грех», «спасение», а также обращений к Богу в несвойственных исламу контекстах. Омар Азрадж пишет:

Прости мне мою любовь, о страна греха,
Прости мне мои потери,
Это знак чтобы жить,
И если бы я был своим крестом,
Воплощением Христа
Во вбитых в него гвоздях,
Когда близкие отвернулись,
Так, чтобы я видел ненависть любви... [4, с. 86]

Лирический герой сравнивает себя с Христом по силе страдания и любви к Родине, которую он называет «страной греха».

Во многих стихах этого периода заметен акцент на душевных переживаниях лирического героя, сквозь призму которых просматривается отношение авторов к ситуации в Алжире. Львиная доля поэзии – остросоциальная, и хотя страна стала независимой, общественная проблематика остается одной из главных тем у таких поэтов 70-х годов XX в. как Омар Азрадж, Ахмад Хамди, Абдель Али Раззаки, Ахлям Мустаганеми. Настроение их творчества преимущественно минорное, за исключением, возможно, Ахлям Мустаганеми. Наиболее заметно это в произведениях Омара Азраджа; стих «Тень, которая охраняет меня» включает такие строки:

Я похороню свое лицо внутри сумки,
Ожидаю молчания, которое зовет на помощь,
Я отправляюсь к островам иллюзии на крыльях лихорадки,
Мы кормим молоком джинна, который не ведает любви.
Я читаю строфы из тетради отчуждения
Рассказы далекого сердца, моего почтальона,
Который втихаря возвращается в город
И живет в корзинке для бумажного мусора [8, с. 534].

По мнению автора статьи, количество и специфика образов в стихотворении Омара Азраджа позволяет предположить, что поэт специально нагнетает атмосферу абсурда и депрессии, играя негативными оттенками слов и используя большое количество оксюморонов.

От минорных стихов 70-х–80-х годов XX в. отличается творчество Ахлям Мустаганеми (род. 1953) – алжирской писательницы тунисского происхождения, которая стала известной в арабском мире благодаря прозе. Но сначала Мустаганеми знали прежде всего как радиоведущую и социальную активистку, которая в своей передаче на национальном радио затрагивала вопросы касающиеся места женщины в арабском обществе в целом, и ее роли в постреволюционном Алжире в частности. На тематику раннего творчества поэтессы повлияло ее детство, проведенное с семьей в изгнании. После свержения колониального режима семья Мустаганеми вернулась на родину, а в 1973 г., в возрасте 20 лет, Ахлям стала первой женщиной

³ См. сайт поэта: <http://www.ahmedhamdi.net/?p=44>

Алжира, которая издала сборник поэзии на арабском языке – диван под названием «На пристани дней» [2].

В своей лирике молодая поэтесса предстает перед читателем девушкой, ищущей в своем сердце место для любви и нежности, и одновременно яростным борцом за права прекрасного пола, который поддается притеснениям в консервативном алжирском обществе. На поэтику Ахлям Мустаганеми повлияли, с одной стороны, сказки «Тысяча и одной ночи», с другой – европейская классика; частые образы, встречающиеся в ее стихах: рыцари, герои, море, дворцы, одинокая девушка, корабль, костер.

Я грежу о далеком Ктесифоне,
О доме с камином и детьми.
Девушка, замершая в ожидании
Своего единственного принца.
Как кошка, что ластится близ камина,
Вслушиваюсь в бабушкины рассказы детям
Про рыцаря, который влюбляется в царевну
И встречает ее ночью...
И исчезает царевна! [11, с. 89–90]

Выражение «я грежу о далеком Ктесифоне» – упоминание летней столицы государства Сасанидов, которое существовало на Ближнем Востоке с 224 по 651 года. Питая склонность к арабскому наследию, Мустаганеми вводит в свое творчество элементы интертекста – аллюзии и реминисценции на известные персоналии доисламской эпохи. Так, в диване поэтессы находим стих «Плач на могиле Имруулькайса» [11, с. 73–75]. Имруулькайс – известный арабский поэт VI в., автор одной из му‘аллак – литературных памятков, которые считаются шедеврами арабской поэзии. В стихе А. Мустаганеми героиня ощущает ностальгию по славным временам, когда поэты были не только мастерами слова, но и настоящими рыцарями пера и меча.

Еще один представитель алжирской поэзии 70-х–80-х годов XX в., чье творчество выбивается из общего контекста времени – поэт и журналист Хамри Бахри (род. 1947). Писателю свойственна пейзажная и любовная лирика. Среди наиболее распространенных образов: оазис, зерно, топор, пальма, дождь, глина, капля воды, оливы, инжир, польнь [7]. В стихах «Налитый колосок», «Листья оливы стали красными», «Призыв сажать семена», «Вот пошел дождь», «Почему птицы клюют мою ладонь», «Женщина-река» Бахри противопоставляет урбанистическую

жизнь свободе крестьян – эта тема популярна во многих литературах арабских стран, но в Алжире встречается сравнительно редко. Поэт подчеркивает: настоящие чувства возможны лишь на лоне природы, город негативно влияет на взаимоотношения между людьми, делает их зависимыми от условностей цивилизации. В целом, Х. Бахри характерно органическое соединение общественной проблематики и лирических мотивов.

Поэзии алжирских авторов конца XX в. свойственны вкрапления народного фольклора, античной мифологии, реминисценции на тексты Ветхого Завета. В то же время просматривается социальная тематика. Абдель Али Раззаки, например, сравнивает попытки получения визы с трудом Сизифа:

Тысячи иллюзий гнездятся в памяти,
Служат ненастоящими божествами
Неся камень Сизифа,
Принимают удары и ненависть судьбы,
И отказы в выдаче визе! [3, с. 121]

В другой поэме Раззаки упоминает Синдбада-морехода и Иова:

Я – невозможность,
Что любит смерть в твоих глазных яблоках.
Пытаюсь ощутить сейчас свою принадлежность к тебе,
Мне неловко, когда я вижу Тебя,
Которая спит на грудях Иова,
В то время как Синдбад идет к гильотине [13, с. 14].

Иов – персонаж Ветхого Завета, он также фигурирует в Коране под именем пророка Аюба. В Библии известен тем, что долго страдал за свою веру, когда Сатана пытался искушить его. В конце-концов, Иов был награжден Богом и стал символом стойкости и преданности идеалам. Вводя этот образ, поэт подчеркивает, что любовь для лирического героя – невыносимое мучение, она может оказаться фатальной, как некоторые путешествия Синдбада. Однако в обоих случаях – в историях коранического пророка и мореплавателя из «Тысяча и одной ночи» – после страданий терпеливого героя ждет великая награда.

В конце XX – в начале XXI в. популярность свободного стиха в Алжире несколько угасает. Арабоязычная поэзия в это время уступает место прозе – активно развивается алжирский

роман, который в XXI в. снискал признание в других странах арабского мира. Наиболее известным мастером современной алжирской арабоязычной прозы считается Васини аль-А'радж (род. 1954), лауреат четырех литературных премий и автор более чем 17 романов и повестей. Некоторые писатели, которые в 70-х–80-х годах XX в. воплощали себя в поэзии, позже прославились именно как прозаики, например, Анвар Бенмалек (род. 1956), Лязгари Лябтер (род. 1952), Хамид Скиф (1951–2011), а также уже упомянутая А. Мустаганеми.

Вместе с тем, воспеание героической истории национально-освободительной борьбы в текстах поэзии до сих пор поддерживается алжирскими властями, которые продолжают курс на арабизацию страны. Творчество выдающихся представителей жанра, таких как М. Аль-Ид Аль Халифа и М. Закария изучается в школах и

университетах Алжира. Среди молодежи, однако, заметны и противоположные тенденции: в конце XX в. значительно усиливается интерес к «западному стилю жизни». В поэзии укрепляются позиции французского языка, стихи все более интегрируются с музыкой, вследствие чего популярными становятся синтетические жанры искусства, такие как хип-хоп, исполнители которого часто используют алжирский диалект или сочетание арабского и французского языков. Поскольку современная алжирская критика уделяет больше внимания прозе, молодые поэты ищут новые способы заявить о себе. Основным инструментом становится Интернет, где авторы часто публикуют свои произведения, используя литературные псевдонимы, а также размещают видеозаписи, в которых декламируют стихи как собственного сочинения, так и других авторов.

Литература

- 1 Кочубей Ю.Н. Поэзия «свободного стиха» в Ираке (40-е – 70-е гг. XX ст.). – Киев: Стилос, 2003. – 273 с.
- 2 Salhi, Z. 'Mustaghanmi, Ahlam (1953 –)', Biographical Encyclopedia of the Modern Middle East and North Africa. – Michigan, 2008.
- 3 Ар-Ракиби, А. – 1983, الجزائر، – الركيبي عبد الله. الأوراس في الشعر العربي ودراسات أخرى.
- 4 أزراج عمر. الحضور، مقالات في الأدب والحياة. – 1983 – 1983.
- 5 بوقرورة عمر. الغربية والحنين في الشعر الجزائري الحديث (1945 – 1962). – قسنطينة، 1996.
- 6 حامدي أحمد. قائمة المغضوب عليهم. – الجزائر، 1978.
- 7 حمري بحري. ما ذنب المسمار يا خشية. – الجزائر، 1982.
- 8 جوادى سليمان. يوميات متسكع محظوظ. – الجزائر، 1981.
- 9 خمار محمد أبو القاسم. ظلال وأصداء. – الجزائر، 1982.
- 10 خرفي الصالح. الشعر الجزائري الحديث. – الجزائر، 1984.
- 11 ماستغانمي أحلام. على مرفأ الأيام. – الجزائر، 1973.
- 12 ناصر محمد. الشعر الجزائري الحديث اتجاهاته وخصائصه الفنية. – بيروت، 1985.
- 13 رزاقى عبد العالي. الحب في درجة الصفر. – الجزائر، 1977.
- 14 سعد الله أبو القاسم. الزمن الأخضر. – الجزائر، 1985.

References

- 1 Kochubey, Y.N. Poeziya "svobodnogo stiha" v Irake (40-e – 70-e gg. 20 st.). – Kiev: Stylos, 2003. – 274 P.
- 2 Salhi, Z. 'Mustaghanmi, Ahlam (1953 –)', Biographical Encyclopedia of the Modern Middle East and North Africa. – Michigan, 2008.
- 3 Al-Rakibi, A. – 1983, الجزائر، – الركيبي عبد الله. الأوراس في الشعر العربي ودراسات أخرى.
- 4 Azraj, O. – 1983 – 1983. الحضور، مقالات في الأدب والحياة.
- 5 Bugarura, O. – 1996. الغربية والحنين في الشعر الجزائري الحديث (1945 – 1962). – قسنطينة، 1996.
- 6 Hamdi, A. – 1978. قائمة المغضوب عليهم. – الجزائر، 1978.
- 7 Hamri, B. – 1982. ما ذنب المسمار يا خشية. – الجزائر، 1982.
- 8 Jawadi, S. – 1981. يوميات متسكع محظوظ. – الجزائر، 1981.
- 9 Khammar, M. – 1982. ظلال وأصداء. – الجزائر، 1982.
- 10 Khorfi, S. – 1984. الشعر الجزائري الحديث. – الجزائر، 1984.
- 11 Mustaghanemi, A. – 1973. على مرفأ الأيام. – الجزائر، 1973.
- 12 Naser, M. – 1985. الشعر الجزائري الحديث اتجاهاته وخصائصه الفنية. – بيروت، 1985.
- 13 Razzaki, A. – 1977. الحب في درجة الصفر. – الجزائر، 1977.
- 14 Sa'adalla, A. – 1985. الزمن الأخضر. – الجزائر، 1985.